
ЕДИНИЦА СМЫСЛА В ПЕРЕВОДЕ

Ю.В. Артемьева

Кафедра переводоведения
Факультет права и лингвистики
Московский государственный машиностроительный
университет (МАМИ)
ул. Павла Корчагина, 22, Москва, Россия, 107023

В статье рассматриваются взаимоотношения между словом как знаком, его значением, образом и концептом, а также соотношение единицы смысла как единицы перевода с референциальным аспектом.

Ключевые слова: единица смысла; единица перевода; концепт, референциальный аспект, образ, знак.

Изучая различные виды и типы перевода, а также его варианты, исследователи неоднократно приходили к выводу о том, что единицей перевода может быть не только слово, но и другие языковые единицы. Однако языки, передающие образы (концепты) представителей того или иного лингвокультурного сообщества, настолько различны, а их семиотическая система столь разнообразна, что единица смысла подчас бывает единственно возможной единицей при переводе с одного языка на другой.

При исследовании перевода лингвисты и литературоведы опирались на языковую систему и собственный опыт и приходили к мысли, что возможны различные полноценные варианты передачи одного оригинального текста на один и тот же ИЯ (ПЯ). Это могло свидетельствовать прежде всего в пользу возможности перевода текста любого уровня сложности, а также зависимости качества перевода, его адекватности от мастерства самого переводчика (его знания: языковых систем, методов и приемов перевода, фоновой информации; а также его собственного опыта).

Говоря о переводе как деятельности человека, связанной с высшей нервной деятельностью, необходимо вспомнить о психическом аспекте.

По мнению многих ученых, модель мира — достаточно устойчивое образование, определяющее человеческое восприятие действительности в течение длительного периода. С помощью модели мира человек отбирает импульсы и впечатления, идущие от внешнего мира, и преобразует их в данные своего опыта. Чувственное познание, как известно, протекает в трех основных формах: ощущениях, восприятиях, представлениях, приводящих к возникновению абстрактного мышления. Ощущение — это отражение отдельных чувственно воспринимаемых свойств предметов материального мира: звука, цвета, формы, запаха, вкуса и т.п. Целостный образ предмета, возникающий в результате непосредственного воздействия

последнего на органы чувств, называется, как известно, восприятием. Более высокая форма чувственного познания является представлением.

Представление — это сохранившийся в сознании человека чувственный образ предмета, который воспринимался раньше, т.е. представление о предмете есть даже тогда, когда воздействие на органы чувств уже отсутствует. Так как у каждого человека представление об одном и том же предмете неодинаково, оно имеет индивидуальные черты, возникает вопрос о том, как же возможно, имея различные представления, понимать друг друга.

Однако человеку свойственно стремиться к обобщению восприятий и представлений, что и помогает обрести взаимопонимание, а обобщение невозможно без абстрактного мышления. Именно с помощью абстрактного мышления человек познает (или думает, что познает) недоступные чувственному восприятию явления.

Таким образом, процесс познания включает в себя чувственное познание и абстрактное мышление. Базовые абстрактные понятия, формирующиеся благодаря абстрактному мышлению, предшествуют идеям и мировоззрению, формирующемуся у членов общества или его группы. Поэтому сколь бы различными ни были идеология и убеждения индивидов и группы, в основе их можно найти универсальные для всего общества обязательные понятия и представления, без которых невозможно построение идей, теорий, философских, эстетических, политических или религиозных концепций и систем.

Благодаря универсальным понятиям формируется так называемое определенное когнитивное пространство каждого индивидуума, коллектива людей, а также когнитивная база всего человечества в планетарном масштабе.

Окружающий мир, его феномены и процессы «опредмечиваются» (термин Е.Ф. Тарасова) при помощи естественного языка, который опосредует социальное общение, обеспечивает создание вероятностных структур во временных и пространственных рамках. Постоянно используемый родной язык несет огромное количество информации, выраженной в знаково-символической форме, способствующей вербальному взаимодействию. Знаково-символические системы можно назвать глубинным механизмом конструирования действительности, поскольку осознание, интерпретация, запоминание и передача информации (а точнее, сигналов) возможны лишь при наличии познания глубинной структуры высказывания как продукта восприятия и передачи информации.

Каждая этническая культура как система ценностей и смыслов содержит в своем багаже определенные представления о строении мира и культуры в целом, о месте своей этнокультуры среди других, о единстве и многообразии культурного Универсума. На основе сложившейся этнической картины мира формируются и соответствующие стратегии ее социального воспроизводства. Эти стратегии являются одновременно поведенческими образцами межэтнических отношений.

В основе межэтнических отношений всегда лежит межкультурная коммуникация, основанная на языковой и неязыковой (экстралингвистической) составляющей. Языковая и экстралингвистическая составляющие в межкультурной коммуникации требуют перевода.

Перевод существовал испокон веков благодаря «смешению языков». Однако его качество и полнота, адекватность и эквивалентность, как показывают дошедшие до наших времен свидетельства, не всегда были равноценны.

По словам Дж.Р. Фёрса, «В истории английской лингвистики Малиновский был первым, кто систематически применял перевод для выявления значения этнографических текстов. Именно к этому методу он применил термин „лингвистический анализ“» [1. С. 25]. В эпоху бурного развития языкознания (начиная с XIX столетия) отдельное место отводится переводу как особому роду речевой деятельности людей и как дисциплине, которой можно и даже необходимо обучаться. В это время формируются различные подходы к переводу как среди отечественных практиков и теоретиков, так и среди зарубежных переводоведов.

Формальный подход, связанный с чисто лингвистическим анализом текста и его переводом (лингвистическая теория перевода в отечественном переводоведении представлена прежде всего А.В. Фёдоровым), основывается в целом на структуралистских позициях, известных в языкознании с 20—40-х гг. XX в. В это время складываются основные школы, сыгравшие в дальнейшем важную роль в разработке принципов и методов структурной лингвистики (Пражская, Копенгагенская, американская, Лондонская), а также близкие к ним Ленинградская фонологическая школа и Московская фонологическая школа.

Реалистический подход, сложившийся на основе художественного перевода как противовеса формальному подходу лингвистической теории, в отечественном переводоведении связывают, прежде всего с именем И.С. Кашкина. Именно художественный перевод требует неформального подхода, уход в «затекст» (термин И.С. Кашкина) — это то, что постоянно использовалось и продолжает использоваться переводчиками художественных жанров литературы.

Теория машинного перевода когда-то представляла собой далекое будущее перевода, так называемое «подспорье» в нелегком и кропотливом труде настоящего переводчика. Сегодня существует большой выбор как словарей, так и электронных переводчиков. Но если словарями воспользоваться еще можно, то переводчиками текстов в электронном виде лучше пока пренебречь: слишком несовершенны программы и ресурсы данного «подспорья» и приносят вред качеству перевода.

Теория непереводимости, ведущая начало с В. фон Гумбольдта, который уже в начале XIX в. в своих работах выдвигал трехчленную схему: **индивид — народ — человечество**, утверждая, что индивидуальная субъективность в постижении мира через язык снимается в коллективной субъективности данного языкового сообщества, а национальная субъективность — в субъективности всего человеческого рода, объединяемого не на биологической, а на культурно-этической и социальной основе. Гумбольдт отмечал тождество языка и национального духа, духа народа. Он указывал на то, что «истинное определение языка может быть только генетическим» [2].

Теория (гипотеза) лингвистической относительности, в основу которой была концепция непосредственного влияния на структуру мышления языковой

структуры и определения последней всего способа познания окружающего мира человеком (изначальное влияние языка на складывающуюся социальную сущность человека), и привела к формированию теории непереводаемости. Разработана она была в 30-х гг. XX в. в США Э. Сепиром и Б.Л. Уорфом в рамках этнолингвистики на основании наследия В. фон Гумбольдта. Однако непризнание перевода как такового не мешает пользоваться результатами этого вида деятельности человека вот уже не одно тысячелетие.

Одним из сложнейших вопросов, лежащих в основе определения перевода как передачи письменной или устной речи средствами другого языка, является вопрос о единице перевода. Согласно взглядам Л.С. Бархударова, единица перевода — это «наименьшая (минимальная) языковая единица в тексте на ИЯ, которая имеет соответствие в тексте на ПЯ» [3. С. 174], что позволяет различать перевод на уровне фонем, морфем, слов, словосочетаний, предложений и текстов в зависимости от иерархии ИЯ и в точном соответствии с иерархией ПЯ. Иначе говоря, фонеме ИЯ подбирается фонема ПЯ, морфема переводится морфемой и т.д. Однако нельзя забывать, что в таких случаях очень часто в результате получается буквальный перевод, единодушно отмечаемый переводчиками как неудачный, неадекватный и неэквивалентный.

Вопрос о единице перевода в той или иной мере привлекал внимание многих лингвистов и переводчиков. Вине и Дарбилю, авторы «Сопоставительной стилистики французского и английского языка» [4], пытались доказать, что единицей перевода является единица смысла, хотя в своей работе, сравнивая слова и словосочетания, доказывают, что именно слово становится единицей перевода. В.Н. Комиссаров определил минимальную единицу перевода, выступающую как самостоятельный объект самого процесса перевода; минимальную языковую единицу текста ИЯ, переводимую как одно целое; минимальный набор лексем и граммем ИЯ, который имеет некоторое соответствие с лексической и грамматической категорией ПЯ; минимальную единицу исключительно плана содержания текста ИЯ, которая будет воспроизведена в ПЯ [5. С. 78].

Переводчик, по словам В.Н. Комиссарова, определяет доминантную функцию языка, определяя функциональный стиль ИЯ с целью выбора его же в ПЯ. Это предопределяет собой и набор определенных методов и приемов передачи речи средствами другого языка. Конечным результатом должен стать текст, адекватный, полноценный и эквивалентный оригиналу.

Перевод может быть адекватным и эквивалентным, адекватным и неэквивалентным, а также неадекватным и неэквивалентным.

Степень адекватности и эквивалентности хорошо можно проследить в художественном переводе. При переводе образных выражений, стилистических фигур, тропов в тексте, заголовках, названиях фильмов, фразеологических оборотах очень часто возникает двойное отношение к переведенному — с одной стороны, похоже на оригинал, с другой стороны, совсем другое.

Так, например, часто встречающиеся варианты художественного перевода одного и того же текста могут существенно отличаться друг от друга. Приведем несколько переводов стихотворения Р. Бернса *The Jolly Beggars. A Cantata*.

The Jolly Beggars. A Cantata

Recitativo —

When lyart leaves bestrow the yird,
Or wavering like the Bauckie-bird,
Bedim cauld Boreas' blast;
When hailstones drive wi' bitter skyte,
And infant Frosts begin to bite,
In hoary cranreuch drest;
Ae night at e'en a merry core
O' randie, gangrel bodies,
In Poosie-Nansie's held the splore,
To drink their orra duties:
Wi' quaffing, and laughing,
They ranted an' they sang;
Wi' jumping, an' thumping,
The vera girdle rang.

Robert Burns

Веселые нищие. Кантата

Речитатив

Когда, бесцветна и мертва,
Летит последняя листва,
Опалена зимой,
И новорожденный мороз
Кусает тех, кто гол и бос,
И гонит их домой, —
В такие дни толпа бродяг
Перед зарей вечерней
Отдаст лохмотья за очаг
В какой-нибудь таверне.
За кружками
С подружками
Они пред очагом
Горланят,
Барабанят,
И все дрожит кругом.

С. Маршак

Веселые нищие

КАНТАТА

Речитатив

Уж листья желтые с ветвей
Летят на землю, и Борей
Деревья голые качает;
Луга одел покров седой,
И уж морозец молодой
Порядочно кусает.
Вот в эту пору вечером
Кружок веселой братьи нищей
Собрался к Пузи Нанси в дом
Попировать за скудной пищей
И весело пропить свое
Последнее тряпье.
Хохочут они и горланят,
И песни поют, и свистят,
И так по столам барабанят,
Что стены харчевни дрожат.

П. Вейнберг

Веселые нищие

Листва набегом ржавых звезд
Летит на землю, и норд-ост
Свистит и стонет меж стволами,
Траву задела седина,
Морозных полдней вышина
Встает над сизыми лесами.
Кто в эту пору изнемог
От грязи нищенских дорог,
Кому проклятья шлют деревни:
Он задремал у очага,
Где бычья варится нога,
В дорожной воровской харчевне;
Здесь Нэнси нищенский приют,
Где пиво за тряпье дают.
Здесь краж проверяется опыт
В горячем чаду ночников.
Харчевня трещит: это топот
Обрушенных в пол башмаков.

Э. Багрицкий

Голь гулящая

КАНТАТА

Речитатив

Когда, как рой нетопырей,
листву пожухлую Борей
по воздуху гоняет,
когда морозец молодой —
от инея уже седой
и за щеки щипает,
тут к Дусе-Нансе в поздний час
веселые Галахи —
бродяжья братья собралась
пропитаться до рубахи.
Буянили горланили
и пели кто о чем,
и хлопали, и топали,
аж плоски ходуном.

С. Петров

Веселые попрошайки

КАНТАТА

Речитатив

Когда прозрачная листва покинет сад,
Волной подхваченная так, как стайка птиц,
Порывом северного ветра — вперед-назад;
Когда, покинув свой приют, и с неба вниз
На землю мерзлую град сыпаться начнет,
А в дыры на одежде молодой мороз
Пролезет и начнет кусать всерьез,
Под вечер, ближе к ночи станет лед,
Укрыться на ночлег придет черед,
Тогда ватага храбрецов, кто нищ и гол,
Пошлепает в таверну, чтоб сесть за стол;
Грязнуля-Нэнси там приветит всех,
И будет клубом дым и громом смех.
И опрокинув чарки чередой,
Завяжут разговор между собой
Горластые пропойцы-мужики,
Которым и лохмотья не с руки:
Все отдадут, пропьют, повеселятся всласть,
А нашумевшись, упадут, где им пришлось
упасть.

Ю. Артемьева

Можно по-разному относиться к стихотворному размеру, передаче лирического образа, подбору лексического материала, выдержке объема и тона стихотворения (в соответствии с эпохой, авторским стилем), но общее впечатление, первое чувство, возникающее при прочтении строк оригинального текста, необходимо, как кальку, «накладывать» на получаемый перевод. Если чувствуется фальшь (чувство — важнейшая составляющая художественного перевода), то результат далек от совершенства.

Важнейшим чувством стихотворных произведений Роберта Бёрнса является «залихвастский оптимизм», свойственный людям небогатым, вынужденным всю свою жизнь биться за лучшую долю. Если добавить к этому шотландское происхождение поэта, смешение языка и постоянное «включение» просторечных и даже бранных слов, то создается непростая «картина» для перевода. Однако Самуил Яковлевич Маршак, хорошо знающий фольклор Англии, очень точно передает этот дух стихотворения, используя средства русского языка и стихосложения.

При сравнении других переводов стихотворения Бёрнса, среди которых и наш собственный, может показаться, что перед нами вольный перевод, который, по существу, не является переводом, а пересказ, переложение, отдаленно напоминающее оригинал. Но, переводя оригинальный текст, каждый переводчик осознает степень возможного «ухода в затекст» и ставит определенные «рамки», сдерживающие чрезмерный полет фантазии и уход от текста.

Таким образом, на наш взгляд, каждый из вариантов перевода имеет право на существование, чтобы, как минимум, оттенить собой другой переводческий опыт. Если следовать реалистической теории И.А. Кашкина, можно определить, что переводчики «уходят в затекст», чтобы подобрать адекватный, но чаще, неэквивалентный перевод. Единицей перевода в таких текстах служит единица смысла.

Эквивалентность и адекватность перевода можно также проиллюстрировать на переводах пословиц и поговорок: *a little pot is soon hot* — 1) *маленький горшок быстро нагревается* (эквивалентный перевод); 2) *люди маленького роста часто вспыльчивы* (адекватный, но неэквивалентный перевод); *honesty is the best policy* — *честность — лучшая политика* (адекватный и эквивалентный перевод) [5. С. 56].

Таким образом, достижение адекватного и эквивалентного перевода, так или иначе, является результатом перевода языковых единиц. Для этого необходимо провести предпереводческий анализ текста, заключающийся в выявлении вида перевода по восприятию и оформлению речи, а также по жанровому своеобразие и функциональной направленности оригинала.

При письменном переводе единицей перевода может быть предложение, абзац. При устном восприятии текста — фраза, абзац, текст (например, при последовательном переводе), смысл. При синхронном переводе единицей перевода может выступать слово, словосочетание.

Художественный перевод требует от переводчика соблюдения художественно-эстетической цельности произведения, его лейтмотива, соответствия сюжета и композиции, сохранения образных особенностей и пейзажных, портретных характеристик, что в конечном итоге влияет на создание не только художественного, но авторского стиля. Основной задачей переводчика специального текста является четкое следование оригиналу, знание терминологической базы переводимого текста, структурное, терминологическое и понятийное соответствие оригиналу.

Смысловое содержание текста передается переводчиком в языковых единицах, выстроенных в определенную структуру, понятную реципиенту, воспринимаемому им весь переводной продукт как единое целое, отражающее оригинал.

Качество перевода, это отмечается как теоретиками, так и практиками, зависит от мастерства переводчика и его упорства в поисках необходимого эквивалента, что составляет важную переводческую проблему.

Язык как знаковая система обладает способностью к символизации, а проблема символизации тесно связана с проблемой соотношения языка и мышления. В качестве «инструмента мышления» выступает универсальный предметный код (УПК), о чем писали в свое время С.И. Жинкин, развивая идеи, высказанные Л.С. Выготским, а также И.Н. Горелов. «Единицами универсального предметного кода являются предметные чувственные образы, которые кодируют знания. Знания представлены в сознании человека концептами, а в качестве кодирующего концепт образа выступают чувственные образы, входящие в концепт как его составная часть. Таким образом, чувственная составляющая концепта кодирует содержащуюся в нем рациональную информацию, обеспечивая его функционирование как мыслительной единицы. В мыслительном процессе человек оперирует образами,

которые несут и „прикрепленные“ к ним рациональные знания» [6. С. 40]. Однако концепт и слово — не взаимозаменяемые синонимы. За ними скрыты понятия объективации концепта, то есть его вербализации, исходящей из интенций индивида.

Таким образом, исходя из понимания образного процесса мышления человека, можно утверждать, что язык можно рассматривать как один из способов передачи образов, их объективации, возникающих в мозгу каждого индивидуума, с целью вызвать аналогичные или интенционально необходимые образы в мозгу реципиента.

Ученые утверждают, что «универсальный предметный код субъективен, индивидуален у каждого говорящего, поскольку он образуется у каждого человека как отражение его неповторимого, индивидуального чувственного жизненного опыта. Единицы универсального предметного кода — это чувственные представления, схемы, картины, возможно — эмоциональные состояния, которые объединяют и дифференцируют элементы знаний человека в его сознании и памяти по различным основаниям» [6. С. 40].

Таким образом, несмотря на универсальность предметного кода, процесс «вызывания» определенных образов и чувственных ассоциаций представляет собой далеко не простое занятие, сопровождающееся сбоем на уровне коммуникации. При переводе с одного языка на другой изучаются отличительные особенности выражения когнитивно-семантической информации в языковых картинах мира на уровне лексико-смысловых отношений.

За свое существование на Земле человечество создало большой запас семиотических систем на самых разных носителях. Это свидетельствует об осознанном подходе людей к выбору как знаковой системы, или кода, языкового варианта, так и носителя, на который знаки наносятся. Безусловно, наличие обширного семиотического материала требует определенных навыков для его расшифровки, декодирования, понимания и передачи другим поколениям. Идеальной единицей декодирования является образная единица, но вторжение в чужую концептосферу весьма проблематично и, несмотря на научные достижения в современной нейролингвистике, на сегодняшний момент неосуществимо.

Вопрос о связи единиц мышления и единиц языка до сих пор остается открытым. Существуют различные мнения: одни исследователи считают, что в качестве простейших мыслительных единиц следует рассматривать те из них, которые выражаются в языке одним словом, а в качестве сложных — словосочетаниями и предложениями.

Другие предполагают, что простейшими мыслительными сущностями являются семы (семантические множители, семантические признаки, минимальные единицы значения), которые системно организуют лексические значения соответствующих слов и обнаруживаются только в результате компонентного анализа.

Некоторые ученые полагают, что основные мыслительные сущности отражены в грамматике и именно грамматическая категоризация создает ту концептуальную сетку, тот каркас распределения всего концептуального материала, который выражен лексически. И, наконец, существует компромиссная точка зрения: часть мыслительной информации имеет языковую «привязку», т.е. способы языкового

выражения, но часть представлена ментальными репрезентациями другого типа — образами, картинками, схемами и т.п. [6].

Сознание, по известному определению А.Н. Леонтьева, есть специфически человеческая форма отражения действительности и высший тип психики. Сознательное отражение подразумевает объективную (насколько возможно в данном случае говорить об объективном применительно к субъекту) оценку окружающего мира. Но она не будет идентичной у разных представителей человеческого сообщества. Причина этого кроется не только в различной психической организации индивидуумов, но и в различной когнитивной составляющей у каждой личности, в разной социализации субъектов, в гендерных и иных факторах, а также в культурной принадлежности. Поэтому отражение действительности носит субъективный характер.

Однако именно единая когнитивная база предоставляет возможность переводчику использовать единицу смысла в качестве единицы перекодирования. Доказательством тому являются лексические, грамматические и стилистические трансформации, используемые в качестве замен при переводе с одного языка на другой.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Фёрс Дж.Р.* Лингвистический анализ и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 25—35.
- [2] *Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984.
- [3] *Бархударов Л.С.* Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Международные отношения, 1975.
- [4] *Vinay J.P., Darbilnet J.* Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. Nouvelle édition revue et corrigée. — P., 1965.
- [5] *Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. — М.: Международные отношения, 1973.
- [6] *Алимов В.В.* Теория перевода. Пособие для лингвистов-переводчиков. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

UNIT OF MEANING IN TRANSLATION

Y.V. Artemieva

Department of Translation studies
Faculty of Law and Linguistics
Moscow State Technical University (MAMI)
Pavla Korchagina str., 22, Moscow, Russia, 107023

This article studies the interrelation between the word as a sign, its meaning, image and concept. It likewise studies the link between meaning as a unit of translation and the referential aspects it denotes.

Key words: unit of meaning, a unit of translation, concept, referential aspect, image, sign.

BIBLIOGRAPHY

- [1] *Fers Dj.R.* Linguisticheskiy analiz i perevod [Linguistic analysis and Translation] // Voprosi teorii perevoda v zarubejnoj linguistike. — M., 1978. — P. 25—35.
- [2] *Gumboldt V. Fon* Izbranie trudi po yazikoznaniu [General Linguistics]. — M.: Progress, 1984.
- [3] *Barhudarov L.S.* Jazik i perevod: Voprosi obshej teorii perevoda [Language and translation: questions of general theory of translation]. — M.: Mezhdunarodnii otnoshenija, 1975.
- [4] *Komissarov V.N.* Slovo o perevode [Word about translation]. — M.: Mejdunarodnie otnoshenija, 1973.
- [5] *Alimov V.V.* Teoria perevoda [Theory of translation]. — M.: Librokom, 2013.